

ДАРЬЯ ГРЕЙВРУК

ГРЕЙВ-РОУД 639

Дарья Грейврук
Грейв-роуд 639

«Автор»

2026

Грейврук Д.

Грейв-роуд 639 / Д. Грейврук — «Автор», 2026

Джун Браун приезжает в старый семейный дом на Грейв-роуд 639. Но с возвращением туда в ее жизнь проникает нечто иное. Вещи сами меняют свое место, зеркала отражают то, чего не существует, а ночью слышен шепот, разгуливающих по дому призраков. С каждым днем грань между реальностью и фантазиями стирается. Джун все чаще задается вопросом: овладело ли ею безумие или же все это результат травматического прошлого? Лишь Себастьян Райт способен раскрыть правду. Но кто он на самом деле: живой мужчина или призрак, заманивающий все глубже?

© Грейврук Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Грейв-роуд 639	5
Глава 1. Дом, который дышит	6
Глава 2. Шепот	10
Глава 3. Нарушение порядка	15
Глава 4. Отражения	19
Глава 5. Звуки из подвала	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Грейв-роуд 639

Грейв-роуд 639

В каждом безумии есть своя логика. Уильям Шекспир «Гамлет»

Я не сошел с ума. Просто моя реальность отличается от вашей. Льюис Кэрролл
«Алиса в стране чудес»

Глава 1. Дом, который дышит

Дом ждал в конце улицы, как будто знал, что она все равно вернется.

Она увидела его сразу. Дом замыкал пространство, как точка в конце предложения, за которой следует не тишина, а пауза перед чем-то неизбежным.

Джун помнила этот дом. Слишком отчетливо. Но память все равно подкидывала обрывки из прошлого, оставляя между ними провалы и пустые промежутки.

Высокий дом, с крутой, сторбленной крышей и узкими окнами. Над вторым этажом началась мансарда с ломаной линией крыши, а выше, под самым коньком, скрывался чердак с маленьким круглым окошком. Сбоку от него в небо тянулась труба из серых кирпичей, всегда казавшаяся Джун чужеродным наростом на теле дома.

В одном из окон мансарды занавеска была отдернута. За стеклом лежала тьма. Плотная и неподвижная. И Джун показалось,

(все это на секунду)

что в этой тьме кто-то прячется.

Серые стены казались блеклыми и тяжелыми, словно кожа, утратившая чувствительность. Фасад выглядел меньше, чем в ее детских воспоминаниях. Оно и понятно. В детстве все кажется огромным, словно ты лилипут среди великанов.

Дверь – темная, без узоров и украшений – пряталась под крытым крыльцом, выступавшим вперед. Крышу навеса подпирали четыре балки, прочно вросшие в серый кирпичный фундамент.

Деревья по обе стороны дома тянулись в серое пасмурное небо оголенными, искривленными ветвями. Джун помнила, как любила лазать по ним, словно дикая обезьяна, пока не сломала хрупкие кости лучезапястного сочленения.

Почтовый ящик с облупившейся серой краской стоял у гравийной подъездной дороги. Перекошенные цифры – 639 – все еще оставались на месте. Странно, что подростки их не отодрали. Странно, что они вообще не снесли ящик. И не разбили стекла в доме.

Джун поехала. Длинное черное пальто совсем не согревало в последние декабрьские дни.

Она снова взглянула на дом. А дом словно смотрел на нее. Словно ждал ее возвращения.

Оглядев пустую улицу с мигающими гирляндами на соседских домах, Джун нахмурилась. В канун Нового года лишь дом 639 на Грейв-роуд казался сиротой из приюта, оставшимся единственным ребенком без подарка на детском празднике.

Джун закусил нижнюю губу. Она пыталась побороть внутренне сопротивление, что молило: «Убирайся подальше отсюда».

(А куда ей идти?)

Она шагнула к дому. Гравий похрустывал под подошвой черных полуботинок. Она поднялась на крыльцо и снова взглянула на неприметную дверь. Ее взгляд скользнул по ручке – гладкой и отполированной тысячами прикосновений. Дешевый металл тускло поблескивал на свету, словно ждал момента, когда Джун протянет руку.

Она достала из кармана пальто связку ключей. Самый старый и потертый ключ, отлитый из бронзы, идеально вошел в замочную скважину. Она повернула его дважды, и каждый поворот сопровождался щелчком сердцевинки замка.

– За этой дверью нет ничего необычного, – успокоила сама себя Джун и коснулась дверной ручки.

Холодный металл лег в ладонь, и Джун толкнула дверь внутрь. Петли протяжно заскрипели, будто изголодавшиеся по людскому теплу призраки. Дом дыхнул на нее застоявшимся запахом пыли и пустоты. Джун переступила порог.

Она помнила, что выключатель находился слева. Пошарив по стене, она щелкнула кнопкой. Холл озарился тусклым светом старой подвесной люстры с четырьмя лампочками. Между элементами декора люстры свисала паутина, а лампочки покрыл толстый слой пыли.

Джун оглядела холл. Протертый местами ковер все еще лежал на полу. Лестница справа вела на второй

(темный)

этаж. Дверь слева вела в просторную гостиную. Проход, притаившийся за лестницей, вел в еще один холл, но поменьше, откуда открывался доступ в ванную комнату и кухню. Джун помнила, что из кухни можно было пройти в гостиную с большим дубовым круглым обеденным столом, где раньше они собирались всей семьей.

Джун направилась в гостиную. Она снова щелкнула выключателем. Все тот же старый телевизор с кинескопом стоял в левом углу, расположившись между двумя окнами. Напротив него – просторный диван, где порой они уместались вчетвером, когда смотрели по выходным «Касабланку» или «Семейную вражду¹».

В другом углу притаилось одинокое кресло с потертými подлокотниками и крохотным круглым столиком с лампой-абажуром, который Джун ненавидела из-за его дурацкой желтой расцветки. Дедушка любил в нем сидеть холодными зимними вечерами и читать книги Достоевского или Толстого. Рядом со столиком стоял большой, почти до самого потолка, шкаф с книгами. Каждую из них привез дедушка, когда разъезжал по всей стране, работая коммивояжером.

Она вышла обратно в холл и прошла под лестницу. Во втором холле располагались три двери. Одна вела в ванную комнату с душевой кабинкой и стиральной машинкой, вторая служила черным входом и выходила на заднюю часть двора. Третья вела на кухню. Туда и направилась Джун.

Она включила свет и осмотрелась. Старенький холодильник молчаливо стоял в правом углу. Плита, рабочий стол и раковина стояли вдоль правой стены. Окно над рабочим столом было грязным и пыльным. У второго окна примостился квадратный стол с несколькими табуретками. Как раз между этим столом и холодильником находились раздвижные двери, что вели в столовую.

Джун прошла туда, снова включив свет. Справа размещались шкафы с посудой, которую мама и бабушка доставали по праздникам. Хрусталь, старинные сервизы и серебряные приборы, покрытые пылью, молчаливо смотрели на Джун через стеклянные дверцы шкафов.

Круглый стол покрылся толстым слоем пыли. В принципе, как и все в этом доме.

Джун вернулась в холл и поднялась по лестнице на второй этаж. Первая дверь, расположенная напротив лестницы, вела в детскую. Джун лишь приоткрыла ее и заглянула внутрь. Детская кроватка по-прежнему стояла посреди комнаты рядом с окном.

Джун мимолетно заглянула в соседнюю комнату, где раньше жила она. У одного окна кровать, у другого – письменный стол, а рядом с дверью шкаф для одежды. Стены украшали плакаты популярных лет пятнадцать назад актеров и рок-групп.

Джун плотно закрыла дверь и прошла по коридору, упирающемуся в дверь второй ванной комнаты. Там уже не было душ-кабинки, а стояла старая ванна на изогнутых ножках. Повернув налево, Джун миновала вторую спальню, где спали дедушка с бабушкой, а позже и родители. Эта комната была самой большой и просторной из всех.

Коридор снова поворачивал, упираясь в последнюю спальную комнату. То была родительская спальня, но в дальнейшем она опустела, превратившись в гостевую комнату.

Между этими двумя спальнями

¹ Family Feud – американское телевизионное игровое шоу. Российский аналог «Сто к одному». – Здесь и далее примеч. автора.

(предков)

коридор был шире. В нем размещалось окно, выходившее во двор. Перевалившись через перила, что ограждали весь периметр коридора второго этажа, можно было увидеть холл.

В детстве Джун любила там прятаться. Наблюдать за тем, что делают взрослые, когда после ужина, на котором собирались друзья семьи, ее отправляли наверх. Она любила подслушивать взрослые разговоры, оставаясь незамеченной. Родители наверняка догадывались об этом, но вида не показывали.

У последней спальни располагалась еще одна лестница. Она вела на мансарду.

Как-то раз отец напугал ее тем, что там поселилось привидение, и если Джун поднимется туда, то приведение заберет ее с собой. Ей было тогда лет семь. Может, восемь. А в таком возрасте детей разбирает любопытство. Папа не разрешал ей туда подниматься, но она все равно смело отправилась наверх. Правда, исследовать старую, пыльную мансарду ей не довелось. Отец поймал ее за руку и снова рассказал о старом домашнем Каспере.

Джун улыбнулась, вспомнив это, и шагнула на первую ступеньку. Под ее весом та тоненько скрипнула. Джун преодолела еще две ступеньки и замерла. Она прислушалась.

Тишина давно покинутого дома давила. Каждый звук, каждый шорох казался чем-то неестественным. Внизу громко захлопнулась входная дверь.

Джун подпрыгнула, а сердце в груди пропустило удар.

– Вот черт, – процедила она.

Забыла закрыть входную дверь, и вместо нее это сделал разбушевавшийся ветер.

Джун прикрыла глаза и глубоко вдохнула. Обследовать мансарду и чердак ей перехотелось, и она спустилась на первый этаж.

Проходя через холл, лампочка нервно мигнула. Вряд ли это был сигнал о присутствии потусторонних сил. Старый дом давно нуждался в ремонте и замене проводки. Но пока Джун собиралась заняться тщательной уборкой.

Она вышла на улицу и прошла к «кадиллаку севил». Он достался ей от отца. Старая черная машина с вытянутым капотом и непомерно узким багажником, выпущенная еще в восьмидесятых, до сих пор исправно служила. Джун помнила, как часто отец возился с ней во дворе, уделяя

(по мнению матери)

груде железа больше времени, чем собственной жене.

Может, благодаря тому, что отец так усердно следил за машиной, Джун до сих пор на ней ездила, не опасаясь, что по дороге оторвет колесо или отвалиться бампер.

Она вытащила из багажника чемодан вместе с дорожной сумкой и вернулась в дом. Остановившись на крыльце, она окинула Грейв-роуд беглым взглядом. Всюду горели рождественские гирлянды, и лишь дом 639 выглядел убогой сироткой.

Ей понадобилось три дня, чтобы очистить дом от скопившейся пыли и свисающей паутины. Казалось, что дом простоял заброшенным лет пятьдесят, а не три года.

Джун настолько устала от бесконечной уборки, что сил украсить дом к наступающему сегодня Новому году у нее не осталось.

За три часа до полуночи она решила съездить в супермаркет, где купила замороженные куриные стрипсы, бутылку «Пино Гриджио»

(точнее, дешевый аналог, какой она могла себе позволить)

и банку шоколадного мороженого.

На кассе ее обслуживал продавец, выглядевший так, будто время проехалось по нему катком. Обрюзгшее лицо испещряли морщины, а щеки покрывала щетина.

– С Новым годом, – сказала Джун, выкладывая перед ним наличные ровно по счету.

Он угрюмо на нее глянул, будто она задерживала его своими несчастными покупками, а он опаздывал на семейное торжество, что вот-вот должно начаться.

Джун пожала плечами, хватая бумажный пакет, и вышла на улицу. «Кадиллак» терпеливо дожидался ее на парковке.

Сложив покупки на пассажирское сиденье, она забралась на водительское кресло и завела двигатель. Мотор довольно заурчал, словно собака, оставшаяся дома на долгий день и теперь радостно виляющая хвостом перед вернувшимся хозяином.

Джун двинулась в сторону Грейв-роуд. Из одной части города в другую.

Она включила магнитолу, где заканчивалась какая-то популярная сопливая песня о любви

(Джун такие не переваривала)

и заиграла следующая. Это была группа The Neighbourhood. Джун бы узнала голос Джесси

(вокалиста)

из тысячи. Чарующий и мягкий с ноткой джазовой грусти. Даже название песни она знала, едва услышала первые строчки. «Планета».

Джун сделала звук громче и начала подпевать на припеве. Не так громко, как ей хотелось бы, но достаточно, чтобы слышать вокалиста, если она вдруг забудет слова.

Настроение Джун приподнялось с тех пор, как она четыре дня назад вернулась в отчий дом

(по которому, надо было сказать, она вовсе не скучала).

Припарковавшись перед домом, Джун вылезла из салона. Она обошла машину, вслушиваясь в предновогоднюю тишину, которая ровно в полночь будет стерта взрывом красочных фейерверков.

В детстве Джун любила смотреть из окна второго этажа, как соседи запускали салюты перед своими домами. Их семья не могла себе позволить тратить на подобное деньги.

Если ничего не изменилось, то и сегодня она сможет лицезреть это прекрасное зрелище. Правда, уже без того детского восторга.

На кухне Джун налила в чистый бокал белое вино, и маленькими глотками пила, пока на сковороде обжаривались стрипсы. Захватив бутылку, бокал и тарелку с горячей, и на удивление ароматно пахнувшей курицей, Джун разместилась на просторном диване в гостиной. Она придвинула овальный журнальный стол поближе к дивану и поместила на нем скромный новогодний ужин. Затем Джун включила телевизор. На одном из каналов транслировали «Один дома».

В детстве Джун обожала смотреть этот фильм. Они с родителями любили его включать на Рождество. Это стало их семейной традицией, и они каждый раз смеялись с проделок Кевина, будто видели этот фильм впервые.

Джун завернулась в старый клетчатый плед и прислонилась спиной к спинке дивана. В одной руке она держала бокал с «Пино Гриджио», в другой куриный стрипс.

Она праздновала Новый год в одиночестве, впервые за всю свою жизнь. При этом Джун не ощущала себя покинутой и всеми забытой. И все же внутри нее дремало опустошение, будто она осталась последним человеком на Земле.

И все же ей казалось, что это чувство вызвано возвращением в этот большой старый дом, в котором она так давно не была. Иногда приходится возвращаться к началу. Словно в настольной игре, где твоя фигурка угодила на клетку с надписью «вернись на старт».

Так себя чувствовала Джун в эту прекрасную новогоднюю ночь уходящего года, наслаждаясь белым вином под старый фильм.

Она еще не знала, что возвращение в дом на Грейв-роуд обернется для нее психологическим триллером, где в главной роли будет она.

Глава 2. Шепот

Три дня в новом году прошли для Джун слишком обыденно. Она продолжила наводить в доме порядок, избавившись от кучи разного хлама. Казалось, родители копили всевозможные вещи от старой поношенной одежды до треснувших чашек и тарелок, что жалко было выкинуть на протяжении долгого времени.

Джун разгребала старые вещи и безжалостно выносила их на край гравийной дорожки, откуда ранним утром мусоровоз забирал то, что подлежало отправке на свалку. Она навела идеальный порядок

(который ее устраивал)

в каждой комнате дома. Даже поднялась на мансарду. Маленький квадратный пятак делил ее на две комнатки. Справа находился кабинет дедушки, где он писал стихи и эссе. Дубовый письменный стол стоял у маленького квадратного окошка с удобным креслом, обитым темно-зеленым сукном. А у стены располагался длинный стеллаж с книгами, почти до самого потолка.

Дедушка хоть и разъезжал по стране, предлагая жителям разных штатов бытовые товары для дома, но в душе являлся творческим человеком. Быть может, сложись его жизнь чуточку по-другому, он бы стал учителем или профессором литературы.

Вторая комната была чуть просторнее. Слева от входа размещался потертый старый диван с клетчатым пледом. У окна стоял еще один журнальный столик, только квадратный. В углу примостился маленький телевизор и видеоплеер для кассет. А в другом углу небольшая лестница вела на крохотный чердак с пыльными коробками.

Впервые за долгие годы, поднявшись на мансарду при свете скудного январского солнца, Джун замерла. Она не понимала, почему в детстве ей не позволяли обследовать эту территорию, ведь ничего такого в мансарде не было. Обычные комнаты, ничем не отличающиеся от всех остальных в доме. Если только дедушка не хотел, чтобы его творческое уединение беспокоили внезапным появлением домочадцев.

Джун долго исследовала корешки книг, найдя на полках не только классиков, но и поэмы Гомера, Софокла, Еврипида. Среди трудов Эдгара По, Г.Ф. Лавкрафта, Конан Дойла размещались работы малоизвестных авторов различных стран мира. Дедушка коллекционировал книги, словно они были редким сокровищем. Артефактом, за которым в будущем будут охотиться.

В письменном столе Джун нашла стопку листов, отпечатанных на старенькой машинке. Ей вдруг вспомнилось, что когда-то у дедушки был черный «Андервуд». Маленькой, она часто слышала стук клавиш, разносившийся по всему дому. Но, кажется, мама продала машинку в антикварный магазин.

От этого Джун стало немного грустно. Она бы с удовольствием прикоснулась к старой семейной реликвии, даже несмотря на то, что привыкла работать за ноутбуком.

Джун мало что помнила из своего детства, но в их семье

(за исключением дедушки)

не было творческих людей. Бабушка работала бухгалтером в крошечной фирме, которая давным-давно обанкротилась и закрылась. Мама – продавец-консультант в магазине «Брэмблс» на Мейн-стрит. А папа работал на фирме «Харпер и Гилрой», занимающихся изготовлением мебели под заказ. Джун было четырнадцать, когда они закрылись. Устаревшее оборудование и рост конкуренции с крупными сетями задушил «Харпер и Гилрой». Теперь от мебельной компании остался только склад в промышленной зоне в западной части Торнхейвена.

Джун же работала переводчиком. Она переводила книги, статьи, технические и юридические документы. Она безупречно знала французский, испанский и китайский. Изучала японский, но так и не прошла курс до конца. Забросила из-за бытовых

(скорее, жизненных проблем)

трудностей.

Первое время Джун работала через переводческое агентство. А потом решила полностью уйти на фриланс, когда наработала постоянных клиентов. Старый друг по университету в Нью-Гэмпшире помог создать Джун личный сайт, куда мог обратиться любой желающий. От крупной компании до мелких фирм.

Оглядывая мансарду с дедушкиным кабинетом, Джун решила, что будет работать в гостиной. Или даже столовой с огромным столом, где она сможет разместить все, что ей требовалось для работы. Но никак не здесь – в крошечном темном пространстве, где ощущалось чье-то присутствие.

Последние три года Джун жила в Бангоре и почти забыла, как выглядит Торнхейвен. Терновый рай, который был больше похож на ее личный ад.

И так было не из-за плохих воспоминаний. Скорее потому, что вся ее семья покоилась на старом кладбище под толщей земли, а Джун теперь приходилось жить в доме с призраками прошлого.

Дом 639 был построен еще в начале девятнадцатого века. Дедушка купил его в семидесятых годах, когда решил окончательно осесть на одном месте, чтобы не таскать бабушку с маленькой дочерью по всей Америке.

У подобных домов слишком длинная история, а за историями всегда тянутся призраки.

Так было и с домом на Грейв-роуд 639.

Джун смутно помнила тот октябрьский день, когда умерла ее бабушка. Единственное, что отчетливо отложилось в памяти, что мама разрешила ей не идти в школу. Через пару лет умер и дедушка. И они остались вдвоем жить в большом доме.

С папой случился несчастный случай на складе «Харпер и Гилрой». Его придавило погрузчиком, когда Джун исполнилось двенадцать. Они остались вдвоем. Джун и мама.

Вскоре Джун окончила школу и уехала в университет, оставив маму одну. Но

(если память ей не изменяет)

мама не сильно горевала в одиночестве. Она присоединилась к местному книжному клубу «Терновый пирог»,

(да, название идиотское)

и Джун бы поклялась, что придумала его Гертруда Макбрайдт, помнившая еще Эйзенхауэра². Сейчас ей должно быть лет восемьдесят пять, если она еще не отдала Богу душу. Хотя такие старые перечницы живут на удивление долго.

А потом у мамы диагностировали рак на последней стадии. Шансов было мало. Джун это понимала, и все же верила в чудо. А вот мама, казалось, смирилась с тем, что ей уготовано.

Джун до последнего ее вздоха ухаживала за ней. Заставляла принимать таблетки, снимающие адские приступы боли. Кормила едва ли не с ложечки, как маленькое дитя. Терпела приступы агрессии, что вспыхивали так ярко, будто ты наступила на мину.

Джун помнила, как на несколько дней у мамы наступило улучшение. Она снова стала собой. Смеялась, с аппетитом поглощала картофельное пюре и кексы с изюмом.

Но за белой полосой моментально последовала черная. Словно по волшебству маме сделалось в разы хуже. Она переставала узнавать Джун, говорила о людях, о которых Джун даже и не слышала.

² Дуайт Эйзенхауэр – 34й президент США.

И в один августовский день мамы не стало.

Джун помнила, что горе ощущалось как-то странно. Будто она находилась под водой, и весь мир замер где-то сверху над ней, а до нее доходили лишь приглушенные отголоски.

Она знала, что рано или поздно смерть должна была постучать на порог, как старый гость. Но когда это случилось, Джун будто впала в ступор. Даже на похоронах, стоя перед гробом, где лежала мертвенно-бледная мама, Джун не смогла проронить не слезинки. Она чувствовала себя ущербной. Бесчувственной. Больной инфектусом³. Но вскоре горе догнало ее с такой силой, что она задыхалась от чувства тоски и боли, сжимающих грудную клетку с такой силой, что трудно было сделать вдох.

Тогда-то Джун и уехала из Торнхейвена.

Она хотела начать жизнь с чистого листа. Подальше от места, в котором произошло столько смертей.

И вот она снова оказалась в доме 639 на Грейв-роуд.

Джун отправилась в Торнхейвенский парк. Он находился в нескольких кварталах от апартаментов «Блу эйр». Дорожки в парке казались знакомыми, но значительно уже, скамейки – ниже, а фонари светили тусклее. Все выглядело так же, как и раньше, и одновременно чуть смещенным, словно пространство

(или память)

искажили восприятие окружающих вещей.

Людей в парке не было. Где-то вдалеке мелькнула фигура, но быстро растворилась между деревьями.

Джун слушала в наушниках песню Imagine Dragons «Черный», прогуливаясь по парку, на который надвигались подступающие сумерки.

Она дошла до центра парка, где стояла на пьедестале каменная статуя. Высокая женская фигура, с плавными линиями, будто камень пытались сделать мягким, но не довели работу до конца. Она стояла босиком, и ее ступни почти сливались с постаментом, как если бы она не стояла на нем, а прорастала из него.

Тело в тонком платье чуть ниже колена, оплетали каменные ветви. Тонкие и извивающиеся, с едва намеченными шипами. Они поднимались от основания, обвивая ноги, талию, грудь, руки и плечи, замерев у самой шеи. Это выглядело не как украшение, а как медленное захватывание.

Черты лица у статуи были сглаженными, будто стертыми самим временем. Глаза закрыты, а выражение лица отражало не то боль, не то покой. Что-то между.

Каменные волосы спадали вниз тяжелыми прядями, сплетаясь с ветками. И было сложно понять, где заканчивается человек и начинается природа.

Джун ощутила, будто стоит не перед памятником, а перед кем-то, кто просто замер, как восковая фигура.

Табличка на постаменте была почти стертой, и все же Джун смогла различить надпись.

Терновая дева

Установлена в честь основания Торнхейвена

Как символ стойкости о тех, кто остался и пустил здесь корни

Джун еще раз перечитала табличку. Она не помнила, чтобы та была здесь и прежде. Казалось, что ее повесили недавно, но при этом она выглядела тусклой, покрытой зеленым налетом. Края слегка изогнуты, а текст едва просматривался через ржавые пятна. Коррозия и трещины пронизывали поверхность памятной таблички, словно напоминание о прошлом, которое она когда-то запечатлела.

³ Заболевание, при котором люди перестают чувствовать и испытывать эмоции. Новелла «Инфектус» Дарьи Грейврук.

Джун поежилась от зимнего холода. Тяжелые свинцовые тучи предвещали снегопад, который к утру укроет Торнхейвен чистым белоснежным одеялом.

Джун развернулась и пошла прочь из парка.

На Грейв-роуд она вернулась пешком. Свежий морозный воздух проветрил не только голову, но и пробудил в ней зверский аппетит. Закрыв за собой дверь на ключ, Джун скинула с себя пальто и направилась на кухню.

Включив свет, она подошла к холодильнику и уже собиралась его открыть, когда заметила, что ее любимая черная чашка

(которую она поставила перед выходом в раковину)

стояла на кухонном столе.

Джун нахмурилась. Она точно помнила, что ставила чашку в раковину

(или нет?)

Она подошла к столу и взяла чашку. Осмотрела ее, будто вместо глаз у нее были ультрафиолетовые лампы. Пожав плечами, она снова поставила в раковину и вернулась к холодильнику.

Со вчерашнего ужина остался тунец и запеченный картофель с зеленью. Достав две тарелки, Джун по очереди сунула их в микроволновую печь и включила таймер.

Неторопливо насладившись ужином под бокал красного вина, она листала в телефоне свой сайт в графе заказов. Их оказалось всего два. И оба не настолько объемные, как самый последний, что был перед Рождеством.

Поставив тарелки в раковину, Джун направилась в гостиную. Она решила немного посмотреть телевизор перед сном. Щелкая каналы, она искала что-то интересное, что могло бы скрасить ее одинокий вечер.

Завтра уже должны привезти плазменный телевизор, который заменит эту допотопную рухлядь в углу. А пока она вглядывалась в нечеткое изображение на стареньком экране.

Джун не заметила, как уснула на диване. Ее разбудил шорох, доносившийся из холла. Будто скрипнула половица деревянного пола.

Она открыла глаза, и несколько раз моргнула, прогоняя сонное оцепенение. Телевизор все еще работал. До нее доносились голоса героев какого-то старого вестерна про Дикий Запад.

Джун нажала на красную кнопку пульта, и телевизор, моргнув, погас. Экран стал черным, и дом погрузился в тишину. Джун села на диване, сонно глядя в темноту перед собой.

Шум, что она слышала, повторился. Но теперь он был похож не на скрип половицы. Теперь это был едва различимый шепот.

Джун прислушалась, но слов разобрать не смогла.

Сердце в груди замерло, заворачиваясь в ледяную корку страха.

Джун встала с дивана и на цыпочках подошла к двери. Свет в холле не горел, как и во всем доме. Джун экономила на электричестве

(или считала себя бесстрашной).

Она осторожно выглянула в холл, вглядываясь в кромешную тьму. Но кроме силуэтов мебели у входной двери ничего не заметила. Если бы это были грабители, она бы их увидела, а не только слышала.

Она вышла в холл и включила свет. Проверила замок на двери. Закрыто.

Неужели показалось?..

Джун еще раз оглядела холл. Не найдя признаков чужого присутствия, она стала подниматься по лестнице на второй этаж.

Она дважды повернула по коридору налево, пока не оказалась перед дверями некогда родительской спальни

(а теперь ее).

Джун переступила порог, когда до нее снова донесся чей-то шепот. На этот раз он был отчетливее, и Джун смогла различить только одно слово:

– ...помнить...

Липкие мурашки пробежали по телу. Она схватилась за ручку и с силой захлопнула за собой дверь.

Так страшно ей не было с самого детства, когда отец пугал ее приведением на чердаке (*и мансарде*).

Джун подперла дверь стулом, примостившимся у окна, и забралась под одеяло, укрывшись до самого носа. Она чувствовала себя маленькой напуганной девочкой, считающей, что в стенном шкафу живет чудовище. Но всему должно быть логическое объяснение.

Только было ли оно?

Глава 3. Нарушение порядка

Ночной испуг при свете дня теперь казался Джун пустяком. Она знала, что в темноте все кажется не таким, как днем. Тени веток за окном по ночам превращались в вытянутые пальцы. Платье, висящее на дверце шкафа, выглядело привидением или образом старой ведьмы. Зловещий шепот, эхом разносившийся по дому, был не чем иным, как завыванием ветра в стенах и щелях.

Теперь Джун чувствовала себя глупо, испугавшись того, что за шепот во тьме она могла принять урчание старых водопроводных труб, которые не мешало бы почистить.

Утренний свет проникал в комнату сквозь занавески тонкими, блеклыми полосами. На ветках деревьев тонким слоем лежал снег.

Джун лежала в кровати, глядя в потолок. Ночной страх отступил, но не исчез полностью. Он стал тише. Глубже. Как заноза, которую невозможно нащупать, но которая все равно болит при каждом движении.

Она вылезла из-под одеяла и накинула халат. Пол под ногами оказался холоднее, чем должен был быть. Или ей так казалось.

Она надела шерстяные носки и прошлепала на кухню. Первым делом Джун посмотрела на раковину. Две тарелки и чашка стояли там, где она их оставила. Засохшие частички пищи и следы чая все еще красовались на посуде.

Джун открыла кран, и струя воды ударила по фарфору с резким звуком. Слишком резким для тихого дома. Джун быстро вымыла посуду, словно хотела избавиться не от грязи, а от самой мысли, что кто-то снова поставит чашку на стол.

Холодильник загудел, когда она его открыла. Обычный звук. Привычный.
(*И слишком громкий.*)

Джун достала яйца, масло и хлеб. Сделала себе простой завтрак. Отварила яйца и намазала масло на хлеб. Сев за стол, она старалась не смотреть по сторонам. Не смотреть на окна. Не смотреть на дверной проем. Не смотреть на тени, что лежали на полу чуть иначе, словно искаженные.

Она поела быстро, почти не чувствуя вкуса. Взяв чашку с кофе, Джун переместилась в столовую, разложив на круглом столе ноутбук, блокнот, ручку, и несколько потрепанных словарей. Привычка, от которой она не могла избавиться, даже имея интернет.

Экран мягко засветился, когда она включила ноутбук. Проверила еще раз сайт и увидела в графе заказов письмо о переводе от небольшого издательства. Перевод французского романа под названием «Maison du silence».

«Дом тишины».

Джун усмехнулась.

(*Да она в таком жила.*)

Она прокрутила текст вниз, пробежавшись словами по тексту. Затем вернулась к началу. Свернув документ на пол-экрана, Джун создала еще один вордovsky файл и напечатала название.

Автором была женщина по имени Роми Моро. Джун зашла в браузер и искала ее на просторах интернета. «Гугл» выдал скудную информацию о том, что Роми Моро уроженка Бешереля, раскинувшегося на северо-западе Франции. «Дом тишины» – ее третий роман, который принес известность

(*правда, не вышедшую за пределы Франции.*)

Джун закрыла браузер и вернулась к работе.

La maison respirait les ombres, et ceux qui y entraient n'en ressortaient jamais indemnes.

Так начинался роман Роми Моро.

Дом дышал в тени, и те, кто входил, уже не выходили прежними.

Джун задержала взгляд на этой строке дольше, чем следовало. Интригующее начало, что невольно напоминало о ее доме.

(Совпадение.)

Она начала печатать перевод. Пальцы двигались быстро. Автоматически. Слова ложились ровно, аккуратно. Работа всегда успокаивала. Пока не начались ошибки. Джун нахмурилась и стерла последнее предложение. Она была уверена, что напечатала «тишина», но на экране упрямо светилось слово «память».

Она замерла.

(Опечатка или?..)

Исправила. И продолжила печатать.

Еще через несколько строк снова опечатка. Grande Rue, что переводилось как Большая улица, в тексте значилось как Грейв-роуд.

Джун резко отдернула руки от клавиатуры. Она не печатала этого. Она точно не печатала.

(Или печатала?..)

В комнате стало значительно тише. Даже глухо, будто все звуки исчезли.

Джун медленно повернула голову. Тень от цветочного горшка в углу у двери выглядела странно. Не длинная, а широкая и расплывчатая, как пятно. Она уходила в сторону, куда не падал свет.

Джун глянула в окно. Зимний день казался тусклым. Небо затянуто плотными облаками, а снег во дворе отражал рассеянный свет, делая все вокруг блеклым и почти бесцветным. Тени в таком свете должны были исчезать. Растворяться.

Но эта оставалась.

И не просто оставалась. Она казалась плотнее самого глиняного горшка.

Джун встала и подошла ближе. Тень едва заметно дрогнула, будто испуганная ее приближением.

Джун потерла виски и вернулась к столу. Она сохранила документ и захлопнула ноутбук.

– Хватит, – пробормотала она

(то ли себе, то ли искаженной тени).

Она решила прогуляться. Похрустеть свежевыпавшим снегом, совсем как в детстве.

Джун поднялась в спальню и переоделась. Прогулка на свежем воздухе пойдет ей на пользу.

(Должна пойти).

Грейв-роуд встретила ее привычной зимней серостью. Снег, выпавший ночью, лежал нетронутым и сухо хрустел под ногами, словно ломающиеся под ногами кости. Звук казался слишком громким для пустой улицы. Людей не было. Ни силуэтов в окнах, ни проезжающих мимо машин, ни детских радостных криков, будто город вымер, оставив Джун одну среди домов.

От этого она почувствовала себя одинокой и покинутой, словно потерявшейся маленькой девочкой в людном торговом центре.

Джун не спеша шла по тротуару, глубоко вдыхая холодный воздух. Он обжигал легкие, как крепкий алкоголь.

Она дошла до Мейн-стрит. Прошла мимо книжного магазина «Книжный кот», который держала Нина Макгроув. А до нее – ее отец – старый, добрый мистер Макгроув, который всех просил называть его Оливер.

Джун помнила, как мама привела ее туда впервые, и как долго Джун разглядывала книжки, в которых было куча картинок. Намного больше, чем в тех, что читал дедушка. Там Джун выбрала свою первую книжку про страну Озз, а на двенадцатилетние ей подарили большую красочную энциклопедию обо всем на свете.

Джун невольно улыбнулась, вспомнив то приятное время. На несколько секунд она замерла перед витриной, где в тепле юная девушка расставляла книги на стеллажах.

Джун отправилась дальше. Прошла мимо кофейни «Корица». Дошла до следующего перекрестка и зашла в кондитерскую «Кэнди шоп», что держали Джинкс и Рэймонд Уэйды.

Она взяла несколько шоколадных кексов с изюмом и отправилась дальше. Свернула налево, пока не вышла на Торн-стрит, что вела обратно к Грейв-роуд.

За работой Джун провела так много времени, что даже не знала, в каком часу вышла из дома. Выходя из кондитерской, на город напоздали сумерки, а теперь и вовсе стемнело.

Тусклые фонари желтым светом освещали улицы. В домах зажигались огни, словно оповещая прохожих о домашнем уюте.

Проходя мимо бара «Черная лоза», Джун подавила в себе желание зайти и немного согреться. Не только теплым помещением, но и стаканом джина.

Она торопливо направилась прочь от завлекающей вывески, когда дверь бара распахнулась, и из нее на улицу вывалился высокий мужчина с темными волосами, одетый не по погоде в кожаную куртку. Он едва не свалил Джун в снег. Она вовремя успела отскочить в сторону.

– Полегче, – бросила она ему.

Он пошатнулся. Выпрямился и посмотрел на нее. Глаза у него были приятного оттенка. Светло-карие, как молочный шоколад. Но во взгляде застыла боль потери, которую он заглушал выпивкой.

– Пардон, – произнес он. – Денек выдался не самым отличным. В принципе, как и последние два месяца.

Мужчина улыбнулся, но в улыбке не было ничего живого. Только боль и что-то безвозвратно потерянное.

Джун стало его жаль. Она по себе знала, какого потерять близкого и любимого всем сердцем человека, что при жизни был слишком дорог, чтобы после его смерти так легко смириться с утратой.

Мужчина развернулся и направился вниз по улице.

Джун проводила его взглядом до угла, а затем продолжила путь домой. В животе противно урчало от голода. Пальцы заоченели от холода. Джун не взяла перчатки. А нос наверняка покраснелся от кусачего мороза.

Она почти залетела в дом, плотно закрыв за собой дверь

(и не забыв запереть ее на ключ)

Впервые с момента возвращения в этот дом, Джун была рада оказаться внутри. Вот насколько сильно она замерзла, едва не превратившись в живую сосульку.

Джун сняла пальто и замерла. Ковер в холле был сдвинут. Всего на несколько сантиметров, но...

Она точно помнила, что он лежал по-другому.

(Или нет?)

Джун медленно подошла. Опустилась на корточки. Провела рукой по потрепанному и свалывшемуся ворсу. Она заметила следы. Слабые, едва различимые на темной расцветке ковра. Как будто по нему ходили. Пока ее не было.

Сердце в груди сжалось.

Она резко встала и оглядела холл.

Никого.

Джун обошла каждую комнату. Окна целы. Дверь черного входа заперта. Никаких признаков, что кто-то вломился в дом и пытался что-либо украсть

(да и красть то было и нечего).

– У тебя начинается паранойя, – прошептала она.

Но утешение было слабым. Внутри все равно оставалось чувство, что за время ее отсутствия кто-то здесь был.

После ужина Джун снова попыталась поработать. Она решила отложить перевод романа Роми Моро и сосредоточилась на двух небольших заказах.

Один перевод небольшой статьи с испанского для кулинарного журнала о традиционных зимних блюдах. Второй – с китайского. Скучный договор о передаче прав на старую недвижимость.

Затем Джун вернулась к файлу с романом. Пробежала глазами текст и нахмурилась. Она приблизила голову к экрану, пытаясь понять, что от долгой работы у нее не начались проблемы со зрением.

Некоторые строки были сдвинуты. Словно их редактировали. Словно кто-то работал с документом.

Джун прокрутила текст вверх. И замерла.

Там, где раньше был ее перевод, теперь стояла чужая строка. Раньше там было:

В доме всегда кто-то есть.

Она помнила это точно. Помнила, как подбирала слова, чтобы текст звучал проще. Чище. Теперь же строка изменилась. Словно ее переписали.

Он уже здесь.

Джун не моргала. Экран светился блекло, почти болезненно, и от этого слова казались еще темнее.

Она не печатала этого. Она точно не печатала.

Пальцы дрогнули, когда Джун потянулась к тачпаду. Хотела еще раз прокрутить текст. Убедиться. Но вместо этого она резко захлопнула ноутбук.

В столовой стало темнее. Джун встала из-за стола, ощущая на себе чей-то взгляд. По спине пробежали мурашки, поднимаясь к затылку. Холод пробирался под кожу.

Если сейчас посмотреть назад, там ничего не будет

(или будет?)

Она потянулась к выключателю и щелкнула им. Свет погас, и тьма обрушилась мгновенно.

Джун развернулась и вышла на кухню. Сначала шаг. Потом быстрее. Еще быстрее.

Она вышла в холл. Снаружи тихо хрустнул снег. Или ей показалось. Джун бросилась к темной лестнице. Сердце билось слишком громко, отдаваясь в ушах тупыми ударами.

Она почти взлетела по лестнице. Поворот. Еще один. Словно за ней гналось воображаемое чудовище. И только когда она окажется в кровати под одеялом, то сможет почувствовать себя в безопасности.

На пороге спальни она едва не споткнулась. Резко захлопнула дверь и подперла дверь стулом, толкая его под ручку дрожащими руками.

Джун забралась на кровать, не раздеваясь. Одеяло было холодным, но она все равно натянула его до самого носа, прячась, как в детстве.

Сердце постепенно замедлялось. Но не успокаивалось, шумно отдаваясь в ушах. Она лежала, глядя в темноту и пыталась убедить себя, что у нее разыгралось воображение. Она твердила себе, что это усталость.

Но в глубине души билась тревога, вопиющая о том, что Джун преследуют призраки прошлого.

Глава 4. Отражения

Ночью она почти не спала. Лежала, уставившись в темноту, прислушиваясь к каждому звуку.

Где-то в доме что-то тихо скрипнуло. Потом еще раз. А затем раздался слабый шепот. Едва различимый.

Джун зажмурилась и сильнее натянула на себя одеяло.

– Прочь, прочь, уходи в ночь, – бормотала она детский стишок, что рассказывала ей мама. Она говорила, что это отпугивает всех чудищ.

Что-то в коридоре второго этажа с грохотом упало на пол. Джун вздрогнула, лежа в кровати, и покосилась на дверь, ожидая, что некто начнет дергать дверную ручку. Но этого не произошло.

Липкий, омерзительный страх пропитал тело, опутывая своими сетями, как паук плетет паутину над своей добычей. Джун зажмурила глаза, не переставая шептать:

– Прочь, прочь, уходи в ночь.

И стараясь не двигаться, будто одно движение, один неосторожный поворот на другой бок способны призвать монстра, что ждал ее в темноте старого дома.

Джун провалилась в беспокойный сон, а когда проснулась, почувствовала себя разбитой. Голова раскалывалась от боли, поясница ныла от неудобной позы, а лицо оставляло желать лучшего. Из зеркала на Джун смотрела опухшая девушка. Черные волосы спутаны, словно птицы решили свить там гнездо. Вокруг синих глаз пролегли темные круги.

Джун простонала.

Она забралась под обжигающие струи горячего душа, чтобы смыть с себя не только пот, но и страхи, что укреплялись в сознании с каждой проведенной ночью в этом гребаном доме.

Выходя из ванной комнаты, она оглядела коридор. Но все картины висели на своих местах.

(От страха ей почудилось, что вчера здесь что-то упало).

На кухне Джун заварила кофе в пол-литровой черной чашке, из которой любил пить кофе папа по утрам. Он был еще тем кофеманом, и, кажется, это передалось и Джун.

Она прошла в столовую. Поставила чашку рядом с ноутбуком и открыла его. Она долго стояла перед столом, глядя на светящийся экран, словно из него, как в ужастике на нее выпрыгнет скример⁴.

Шумно выдохнув, Джун села на стул и посмотрела на экран. Пальцы зависли над клавиатурой, будто от одного прикосновения все могло повториться. Словно внутри машины жило что-то, что только и ждало момента, чтобы снова вмешаться.

(Но это глупо).

Джун навела курсор на документ с романом и открыла его. Затем проделала то же самое с файлом, где печатала перевод.

Файл открылся. Все строки были на своих местах. Ни одна буква не была лишней. Ни одно слово не изменилось.

Джун медленно прокрутила текст вниз. Потом вверх. Еще раз вниз.

Ничего.

Она нахмурилась и придвинулась ближе к экрану, будто могла увидеть между строк что-то скрытое. Но текст выглядел до обычного привычным. Даже скучным.

Она тихо усмехнулась.

⁴ Популярный хоррор-прием, используемый для поддержания напряжения и внезапного испуга зрителей. Представляет собой внезапное появление монстра, сопровождаемое громким криком или звуком.

– Переутомление из-за переезда, – пробормотала она. – Ничего больше.

Она взяла большую чашку двумя руками и сделала большой глоток кофе. Язык обожгло и зашипало. Джун поставила чашку на стол и придвинула ноутбук ближе.

Теперь она открыла оригинал романа и сверила

(на всякий случай)

несколько предложений. Все совпадало. Слово в слово. Никаких отклонений. Никаких вмешательств.

Чтобы окончательно убедить себя, Джун прочитала абзац вслух. Потом еще один. Голос в пустом доме звучал глухо, но ровно. Без дрожи.

Слова не менялись. Не прыгали. Оставались на том же месте.

И это вдруг показалось ей странным. Слишком резкий переход от того, что было вчера. Кто-то решил над ней глупо подшутить? Но кому это нужно? Джун давно оборвала все связи с Торнхейвеном. У нее даже друзей здесь не осталось. Последняя подруга уехала за три года до того, как и сама Джун решила сбежать из тихого города.

Джун отвела взгляд от экрана и оглядела столовую, словно была здесь впервые.

– Хватит, – тихо сказала она. – Ты просто себя накручиваешь.

Она ухватила за это логичное объяснение, как за единственное разумное. Недосып. Стресс. Возвращение в отчий дом. А тут еще память подкидывала воспоминания. Казалось, что мозг просто сыграл с ней злую шутку, подменяя настоящее прошлым, накладывая страхи на обычные вещи.

Да. Именно так.

(И никак иначе).

Джун глубоко вдохнула. Она снова взяла чашку и отпила добрую половину кофе за один глоток. Поставив чашку справа от ноутбука, Джун занесла пальцы над клавиатурой. Пробежалась глазами по французскому тексту и начала печатать.

Пальцы двигались быстрее с каждой строкой. Ритм вернулся. И текст ложился ровным полотном в файл, без опечаток и замены слов. Каждое слово, написанное без ошибок, выглядело как подтверждение, что все под контролем.

Джун настолько погрузилась в работу, что даже не замечала, как вращаются стрелки, ускоряя время. Пальцы порхали над клавиатурой, и Джун ловила себя на мысли, что она будто и сама писатель, что сочиняет текст.

Едва она читала предложение или абзац на французском, как мысленно перед ней вырастал перевод на английском. Она печатала быстро, будто боялась, что забудет его.

Иногда Джун замедлялась и прислушивалась к звукам. К тишине, что обволокла дом, будто кокон.

Но ничего не происходило.

Дом оставался тихим. Он наполнился не той глухой и давящей тишиной, от которой начинает звенеть в ушах, а обычной – живой, наполненной мелкими привычными звуками. Где-то в стенах едва слышно отзывались трубы, иногда ветер пел на крыше, разнося свою мелодию на верхних этажах.

Таким, каким и должен быть старый дом.

И это успокаивало.

Не сразу. И не полностью. Но достаточно, чтобы дыхание выровнялось вместе с сердцебиением, а мысли перестали цепляться за каждую тень и каждый шорох, обрастая ледяным страхом.

К вечеру Джун почти поверила, что все осталось позади.

Она подняла руки над головой и потянулась, разминая затекшую спину. Наклонила голову в разные стороны, разминая шейные позвонки.

Сохранив документ, она закрыла ноутбук без страха, что утром обнаружит неточности или изменения.

(Лучше поставить пароль).

Но Джун отмела эту мысль.

Дом стоял в конце улицы, едва примечательный и давно покинутый, чтобы кто-то решил его обокрасть. По сути, кроме ее ноутбука и красть-то нечего было.

Их семья никогда не жила богато. Средний достаток, которого хватало. Родители воспитывали Джун рациональной и практичной, и она никогда не гналась за несбыточными мечтами.

(Может, поэтому и вернулась в дом детства?)

Может.

Джун не стала бы этого делать, сложись ее жизнь в Бангоре более удачно. Но думать об этом сейчас ей не хотелось. Зачем ворошить осиное гнездо, зная, что прошлое жалит больно?

Джун тряхнула головой, избавляясь от надоедливых мыслей.

Она поужинала макаронами с сыром и прошла в гостиную. Включила телевизор и закуталась в теплый плед, подтянув ноги под себя.

За окном снова сыпал снег крупными хлопьями. Они лениво кружились в свете фонарей. Улица постепенно растворялась в белой дымке.

На экране мелькали кадры какого-то старого фильма, но Джун почти не следила за сюжетом. Звук телевизора заполнял комнату, создавая ощущение чьего-то присутствия. Она сделала глоток остывающего чая и глубже укуталась в плед.

Так хорошо и спокойно ей давно не было. Глаза закрывались от усталости и тепла. И Джун не заметила, как уснула под шум телевизора.

Когда она снова открыла глаза, на экране шел другой фильм. Герои стреляли друг в друга, словно патронов в магазинах их оружия было бесконечное множество.

Джун скинула плед и выключила телевизор. Она вышла в холл, глядя на обступившую темноту прищуренными сонными глазами.

Она проходила мимо зеркала к лестнице, как вдруг остановилась. Не сразу. Сначала просто замедлилась. Потом сделала шаг назад.

Что-то было не так.

Это было ощущение. Как легкий укол под кожу.

Джун повернулась к зеркалу. В отражении стояла она. Та же поза. Та же домашняя пижама в клеточку. Волосы растрепаны. Лицо чуть бледное.

Но что-то было не так.

Джун наклонила голову вбок.

Отражение повторило движение. Но с задержкой. Едва заметной. На долю секунды.

Джун выпрямилась. Сердце толкнулось в груди.

Она сделала шаг назад.

Отражение тоже отступило.

Но теперь Джун заметила.

У ее зеркального двойника был другой взгляд. Вместо привычных синих глаз – черные. Они смотрели на нее внимательным, изучающим взглядом.

Джун отступила еще на шаг.

Отражение не шелохнулось. Оно моргнуло.

По спине пробежал легкий холодок, словно она вышла на улицу без верхней одежды.

Джун закрыла глаза и потрясла головой.

– Тебе показалось, – пробормотала она.

И открыла глаза, снова взглянув на овальное зеркало в старой деревянной раме. Присмотрелась к отражению. Зеркальный двойник глянул на нее в ответ синими глазами.

Джун тихо выдохнула и направилась к лестнице, стараясь не думать и не заикливаться на том, что ей подкидывало воображение. Но ощущение чужого взгляда все еще ощущалось на коже, будто на нее из зеркала смотрел не двойник, а живой человек.

Джун долго не могла уснуть. Ворочалась. Слушала тишину и то, как снег укрывал ночной город белым одеялом.

Но когда сон все-таки пришел, он был тяжелым и рваным, полным обрывков воспоминаний, от которых невозможно было спрятаться.

Во сне Джун снова была маленькой девочкой.

Она стояла в коридоре второго этажа. Босые ноги чувствовали холодный деревянный пол. Но коридор казался длиннее, чем должен был быть. Стены – выше, а тени – глубже.

Дом был тем же. Но не тем.

– Джун, милая, не ходи туда, – откуда-то снизу донесся голос мамы.

Он казался далеким, словно Джун находилась под водой и звуки искажались ее плотностью.

Но Джун направилась к мансарде.

Она не останавливалась, влекомая простым детским любопытством. Она шла вперед медленно, как будто ее что-то тянуло.

Поднявшись по лестнице, Джун оказалась перед полуоткрытой дверью мансарды, которая обычно всегда была заперта на ключ.

Дедушка всегда ее запирал, когда работал над стихами или хотел побыть в одиночестве. А после его смерти папа тоже запирал дверь, пугая Джун приведениями, что живут там.

А может, родители просто боялись, что Джун вылезет на крышу, упадет и свернет себе шею.

Из-за двери доносился шепот. Тихий. Почти ласковый.

– Я расскажу тебе кое-что интересное.

Джун подошла ближе. Протянула руку. Пальцы коснулись двери и толкнули ее. Дверь тихо, без скрипа, открылась.

Джун прошла во вторую комнату мансарды

(ту, что служила своего рода еще одной гостиной).

Свет из прямоугольного окна был слишком ярким для привычного дневного света. Он выхватывал темный силуэт, замерший в дальнем углу рядом с лестницей на чердак.

Лица Джун не видела. Не могла. Но знала, что он смотрел на нее. И ждал.

Тень едва заметно шевельнулась, словно откликнувшись на ее присутствие.

– Ты вернулась, – прозвучал голос.

Маленькая Джун замерла.

Свет за окном дрогнул, на секунду став ослепительно белым, и тень словно вытянулась. Стала ближе, чем должна была быть.

– Ты забыла, но я – нет, – мягко сказал голос.

Сердце в груди затрепыхалось, как крылья крошки колибри.

Она не понимала.

(И не помнила).

– Ты всегда возвращаешься, – снова сказала тень, становясь плотнее, словно хотела поглотить свет, что проникал в пыльную мансарду.

И в этот момент все резко погасло.

Джун проснулась, резко сев в кровати. Воздух рвано ворвался в легкие. Она сжала одеяло и посмотрела в окно, за которым уже брезжил рассвет, заполняя город мягким серым светом.

Слова из сна все еще звучали в голове, будто это был не сон, а воспоминание. Старое и забытое. А теперь вернувшееся ощущением, что она и правда что-то пообещала, и просто забыла.

Кажется, когда-то в этом старом доме в конце Грейв-роуд уже было что-то, что смотрело на нее из темноты, и оно запомнило все лучше, чем она.

И, возможно, оно все это время никуда не исчезало, дожидаясь ее возвращения.

Глава 5. Звуки из подвала

Джун хотелось поломать голову, чтобы разгадать то, что притаилось в ее чудаковатом сне, но ей было не до этого.

Деньги на карте заканчивались, а жить на что-то было нужно. Чем быстрее она завершит перевод романа Роми Моро, тем скорее получит обещанный гонорар.

Джун решила поработать сегодня в городе.

После завтрака она упаковала ноутбук в специальную сумку и повесила ее на плечо. Телефон и ключи засунула в карман пальто.

В салоне «кадиллака» она включила магнитолу и на нее оглушительно громко обрушились слова про святого духа группы The Neighbourhood. Джун убавила звук и завела двигатель.

Она направилась в центр Торнхейвена. Проезжая по Мейн-стрит, она высматривала свободные парковочные места, поближе к кофейне «Корица», где она собиралась обосноваться и продолжить заниматься переводом.

Джун припарковалась чуть дальше от кофейни. На секунду она задержалась в машине, глядя на лобовое стекло, слегка запотевшее от ее дыхания.

Серое небо в контрасте с белым снегом делало улицу похожей на черно-белый снимок.

Она заглушила двигатель, обрывая музыку. Тишина стала слишком резкой, но доносился шум улицы. Гудение машин, людские разговоры – город продолжал вращаться, наполненный жизнью.

(Чего не скажешь о доме).

Джун взяла сумку с ноутбуком и вышла из машины. Холод сразу же пробрался под пальто, кусая за щеки и нос. Она заперла «кадиллак» и быстрым шагом направилась к дверям кофейни, все еще украшенным рождественским венком с красными шариками и серебряными бантиками с блестками.

Стеклянные круглые столики и плетеные кресла, что обычно стояли на улице, убрали. В зимнюю пору люди хотели греться внутри кофейни.

Теплый воздух окутал Джун, едва она зашла внутрь. Пахло кофе и шоколадом. В кофейне было шумно. Люди сидели за столиками, разговаривали, смеялись. Кто-то работал за ноутбуком. Кофемашина шипела, перемалывая зерна.

Джун невольно выдохнула и подошла к стойке. Девушка в фирменном темно-зеленом фартуке с бейджином, где было отпечатано «Кэрл», улыбнулась.

– Раф с шоколадным сиропом, пожалуйста, – сделала заказ Джун.

– Семь долларов, – сказала Кэрл, выбивая чек.

Джун сразу же рассчиталась банковской карточкой и прошла к одному из свободных столиков у окна. Сняла пальто, перевесив его через спинку соседнего стула, и достала из сумки ноутбук.

– Раф готов, – выкрикнула Кэрл.

Джун вернулась к стойке и забрала картонный стаканчик с логотипом кофейни. Черная крышечка прятала его содержимое.

Джун поставила стакан справа от ноутбука и села на стул. Она откинула крышку, и компьютер тихо загудел. Она открыла файл с переводом. Пальцы на секунду зависли над клавиатурой.

Ничего не произошло. Текст оставался таким же, каким она его сохранила вчера.

Отпив кофе, Джун открыла второй файл с романом и принялась печатать.

Работа пошла легче, чем дома. Здесь, в кофейне, было слишком много звуков, чтобы тишина могла превратиться во что-то иное

(пугающее).

Ни шепота. Ни скрипа. Ни странных вытянутых теней. Только чужие разговоры. Обрывки фраз персонала кофейни. Смех.

Это успокаивало.

Джун даже не заметила, как прошел час. Потом второй. Картонный стаканчик опустел, когда Джун попыталась из него отпить.

Она встала из-за стола и заказала еще один раф. Сразу же расплатилась карточкой, о чем завтра пожалеет. Деньги таяли, как снег в теплых ладонях.

Пока бариста готовил кофе, Джун решила сходить в туалет. Возвращаясь, она забрала готовый раф и вернулась к работе.

Время пролетело незаметно.

(А главное – спокойно, без тревоги, что ощущалась в доме).

В какой-то момент Джун замедлилась. Пальцы все реже ударяли по клавиатуре. Она чувствовала усталость.

Оторвав взгляд от мягкого свечения экрана, Джун глянула на свое отражение в панорамном окне. На нее смотрело ее отражение

(а не чужое).

Джун снова посмотрела на текст. Сохранила. Закрыла файл с переводом и файл с романом, а затем выключила ноутбук и закрыла его.

Она не спеша засунула ноутбук в сумку и поднялась со стула. Пустые стаканчики Джун выбросила в большой мусорный контейнер, стоявший у дверей. Затем надела пальто и, схватив сумку, вышла на улицу.

День уже клонился к вечеру. Свет стал холоднее, как и температура. Длинные тени растянулись по утоптанному прохожими снегом.

Джун медленно пошла к машине, кутаясь в пальто, что никак не согревало. Мороз пробирался через его тонкую ткань, словно хотел укусить побольнее.

День прошел удачно. Она хорошо поработала и продвинулась с переводом на треть от всего объема книги. Но мысли возвращались к тому, что происходило в доме 639.

Если не усталость, то, что тогда с ней творилось?

Старый дом, который издает звуки, как пожилой бабушка. Но ошибки в тексте? Станный шепот?

(Или ей все кажется?)

Галлюцинации?

(Нет).

Джун остановилась у машины. Огляделась по сторонам и только потом открыла дверь и забралась в салон.

– С тобой все нормально, – буркнула она и завела двигатель.

Но от самоутешения легче не стало. Джун чувствовала себя подопытной в каком-то извращенном эксперименте. У нее не было врагов, которые желали бы свести ее с ума.

(Или она хотела думать, что не было).

Джун выехала на Мейн-стрит и направилась к Грейв-роуд. Она ехала медленно, от того дорога домой казалась длиннее, чем утром.

Фары выхватывали куски дороги, засыпанной снегом, который уже успели утрамбовать другие машины. Деревья стояли по обочинам, раскинув кривые ветки, как неподвижные фигуры.

Джун крепче сжала руль.

Воспоминание ворвалось непрошеным гостем. И она не смогла от него отмахнуться и захлопнуть дверь.

Через год после смерти бабушки Джун бродила по дому, словно впервые его исследовала, хотя и знала каждую комнату так хорошо, что с закрытыми глазами могла сказать, где и что находится. Тогда она впервые решила нарушить папин запрет и подняться на мансарду
(с Каспером).

Теперь Джун думала, что папа специально придумал эту глупую историю, чтобы Джун не ходила туда и не мешала бабушке работать над стихами и эссе.

Она помнила, как стояла в маленьком холле, разделявшим мансарду на две комнаты. Кто-то смотрел на нее. Тем же взглядом, что был во сне. И тогда она чувствовала холод. Почти такой же, как стоял сейчас на улице.

Вот только на мансарду она осмелилась подняться в середине жаркого июльского дня.

Джун стиснула зубы, отгоняя прочь чертово воспоминание. Память будто нарочно подкидывала ей пугающие образы, от которых она и в реальности не могла отделаться.

Она припарковала машину перед домом и направилась к крыльцу, размышляя о жареной курице, что она собиралась съесть на ужин с овощным салатом.

Дом встретил Джун молчанием. Она закрыла за собой дверь и заперла ее.

Щелк.

Звук прозвучал слишком громко в пустом доме.

Джун положила сумку, сняла пальто и повесила его на крючок. Она замерла, прислушиваясь.

Тишина была все той же. Обычной.

Она подхватила сумку и направилась в сторону кухни. И в этот момент снизу раздался звук. Глухой. Как будто что-то ударилось о пол.

Джун замерла. Сердце резко ускорилося. Казалось, что оно застряло в горле, не давая своим стуком даже нормально дышать.

Звук донесся из подвала. Дверь в него пряталась под лестницей. И со дня переезда в дом Джун ни разу туда не спускалась, зная, что ничего не найдет там кроме пыли и старого хлама, который разбирать она даже не собиралась.

Она медленно повернула голову в сторону двери, ведущий вниз. Заперта на щеколду.

Джун постояла, вслушиваясь. Больше ничего не происходило. Она уже готова была выдохнуть,

(показалось)

когда тишину пререзал еще один звук.

Скрежет. Как будто внизу что-то двигали. Что-то очень тяжелое и металлическое.

Джун почувствовала, как сердце пропустило удар, а тело обволакивала ледяная корка страха. В глубине души билась тревога, вопиющая о том, что Джун преследуют не призраки прошлого, а сталкер.

Кто-то мог проникнуть в дом, пока ее не было. Дом 639 в конце Грейв-роуд – легкая добыча для воров.

Да. Так и есть.

Джун огляделась. Телефон остался в кармане пальто. Нужно позвонить и вызвать полицию.

Она уже двинулась к вешалке, но остановилась.

А если там никого нет?

Если это снова

(нет)

призраки?..

Ее оштрафуют за ложный вызов!

(Не должны).

Джун сжала губы. Нужно проверить.

Джун прокралась на кухню на цыпочках, но в двух местах старый деревянный пол все равно предательски скрипнул. Она достала из ящика самый длинный нож с широким лезвием. Рука дрожала, сжимая деревянную рукоятку.

– На всякий случай, – прошептала она, пытаясь успокоить себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.